

ИЗ ЗАМЕТОК О СТИХАХ В. БРЮСОВА

Ключевые слова: *акмеизм, В. Брюсов, С. Городецкий, Н. Гумилев, «Адам», «Звезды», венок сонетов, «Роковой ряд», дон-жуанский список, Э. Бурова, Е.И. Павловская, Е. Коршунова, Верея, А. Шестеркина.*

Поэтическое наследие В. Брюсова велико, и одновременно держать его в памяти невозможно, особенно если специально его изучением не занимаешься. Но когда вдруг приходится по той или иной причине перечитывать большие фрагменты, вдруг всплывают параллели, аналогии и факты, которые так или иначе проясняют природу разных стихотворений.

Недавно мне пришлось перечитывать для выполнения одной задачи все его опубликованные как при жизни, так и посмертно произведения, и кое-что предстало в свете, о котором ни я, ни мои предшественники не задумывались, а если задумывались, то не выносили это на суд читателей. Решаюсь представить несколько таких размышлений и наблюдений.

1. ОТВЕТ АКМЕИСТАМ

Среди не опубликованных при жизни сочинений В. Брюсова сохранилось стихотворение, дважды перепечатанное и даже комментированное. Вот его текст:

* * *

Есть некий час всемирного молчанья.
Ф. Тютчев

День красочный, день ярко-пестрый,
Многоголосный шумный день;
Ты сердце ранишь болью острой,
Ступени взносишь на ступень.

Всходя по лестнице небесной,

Мы, страх и радость затая,
Взираем, из юдоли тесной,
На всю стоцветность бытия!

И, как Адамы, всем виденьям,
Всем звукам, всем лучам миров
Мы ищем, с нежным умиленьем,
Непобедимо-верных слов.

Но сходит ночь, и яркость тонет
В единой, безразличной мгле,
И Тень бестрепетно хоронит
Все разделенья на земле.

Нет ничего, дела и вещи
Смешались, чтобы в бездну пасть,
И Хаос древний, Хаос вещей
Рукой оледеняет страсть.

Подходит страшный час незнания,
Единства и слиянья час...
О, час всемирного молчанья,
Ты с Тайной жизни близишь нас!

7 мая 1913

[Брюсов т. III:323]

Кажется, помещение его в раздел «Пленная мысль» сборника «Неизданные стихотворения» имеет все основания. Квазифилософское размышление на тему, заданную эпитафией¹, слишком банально, чтобы претендовать на публикацию, хотя, конечно, у В. Брюсова бывали опусы и похуже. Но все-таки

---

¹ В том собрании сочинений Ф. Тютчева, где В. Брюсов принимал самое непосредственное участие (Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. СПб., 1913. С.69), первая строка стихотворения «Видение» напечатана именно так, что оговорено в примечаниях. Новейшие издания возвращаются к варианту первой публикации: «Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья».

звание первого поэта, которое он сам себе присвоил², налагало определенные обязательства. Однако нам представляется, что дело было не только в этом, а в достаточно откровенно полемическом характере стихотворения.

Напомним общеизвестное: в первом номере журнала «Аполлон» публикуются два манифеста нового течения – акмеизма. В третьем номере – стихи адептов этого направления, а в четвертом номере «Русской мысли» В. Брюсов напечатал статью «Акмеизм» из цикла «Новые течения в русской поэзии», где подверг и статьи, и стихи акмеистов резкой критике, отказав им в новаторстве. При этом он сделал единственную оговорку: «Изо всей проповеди акмеистов единственное место, представляющее некоторый намек на мысль, которая может быть плодотворна для поэзии, – это предложение г. Городецкого, чтобы “новый Адам” (т.е. поэт-адамист) не изменил своей задаче – “опять назвать имена мира и тем вызвать всю тварь из влажного сумрака в прозрачный воздух”. Нельзя отрицать, что непосредственное творчество истинного поэта, который сумел бы освободиться от всего, сделанного в искусстве до него, сумел бы стать “новый Адамом”, могло бы быть значительным» [Брюсов 1990:398-399].

На самом деле С. Городецкий говорил о другом. Вот цитаты из его манифеста: «Резко очерченные индивидуальности представляются Цеху большой ценностью, – в этом смысле традиция не прервана. Тем глубже кажется единство некоторых основных линий мироощущения. Эти линии приблизительно названы двумя словами: акмеизм и адамизм. Борьба между

---

² 20 января 1914 г., т.е. менее, чем через год после написания стихотворения, он убеждал Вяч. Иванова: «О Москве не то что стараюсь, а решаюсь не думать. Что до Москвы поэтов, – и футуристов, – то надеюсь на тебя очень. За моим отсутствием ты, вероятно, принял по праву принадлежащую тебе державу в этом царстве, как то было в Петербурге. Вернувшись (если вернусь), я первым покорно признаю твою волю, ибо надо, чтобы и москвичи испытали ее благостное ярмо» [ЛН. Т.85:538]. В мае же 1913 г., когда Вяч. Иванов был далеко, он должен был чувствовать себя неограниченным монархом.

акмеизмом и символизмом, если это борьба, а не занятие покинутой крепости, есть, прежде всего, борьба за *этот* мир, звучащий, красочный, имеющий формы, вес и время, за нашу планету Землю. Символизм, в конце концов, заполнив мир “соответствиями”, обратил его в фантом, важный лишь постольку, поскольку он сквозит и просвечивает иными мирами, и умалил его высокую самоценность. У акмеистов роза опять стала хороша сама по себе, своими лепестками, запахом и цветом, а не своими мыслимыми подобиями с мистической любовью или чем-нибудь еще. Звезда Маир, если она есть, прекрасна на своем месте, а не как невесомая точка опоры невесомой мечты. Тройка удала и хороша своими бубенцами, ямщиком и конями, а не притянутой под ее покров политикой. И не только роза, звезда Маир, тройка – хороши, т. е. не только хорошо все уже давно прекрасное, но и уродство может быть прекрасно. После всяких “неприятных” мир бесповоротно принят акмеизмом, во всей совокупности красот и безобразий. Отныне безобразно только то, что безобразно, что недовоплощено, что завяло между бытием и небытием. <...> Но этот новый Адам пришел не на шестой день творения в нетронутый и девственный мир, а в русскую современность. Он и здесь огляделся тем же ясным, зорким оком, принял все, что увидел, и пропел жизни и миру аллилуйя. <...> Новый Адам не был бы самим собой и изменил бы своей задаче – опять назвать имена мира и тем вызвать всю тварь из влажного сумрака в прозрачный воздух, – если бы он, после зверей Африки и образов русской провинции, не увидел и человека, рожденного современной русской культурой» [Акмеизм в критике 2014:84-85].

Можно предположить, что В. Брюсов невнимательно или предвзято прочитал статью С. Городецкого (к которому вообще относился с неприязнью). Осознать это он был должен, прочитав те стихи, о которых его предупреждал в письме Н. Гумилев, давая наставление: «<...> поэты акмеисты могут считаться таковыми только по своим последним стихам и выступлениям, прежде же они принадлежали к разным толкам. Действительно акмеистические стихи будут в №3 “Аполлона”, который выйдет на этой неделе» [ЛН. Т.98. II:512]. Письмо было написано 28

марта, когда, по всей видимости, В. Брюсов уже сдал свою статью в «Русскую мысль».

Тем временем вышел в свет тот номер «Аполлона», о котором ему написал Н. Гумилев, и там В. Брюсов прочитал следующее стихотворение С. Городецкого:

АДАМ

Прости, пленительная влага
И первоздания туман!
В прозрачном ветре больше блага
Для сотворенных к жизни стран.

Просторен мир и многозвучен
И многоцветней радуг он,
И вот Адаму он поручен,
Изобретателю имен.

Назвать, узнать, сорвать покровы
И праздных тайн, и ветхой мглы –
Вот первый подвиг. Подвиг новый –
Живой земле пропеть хвалы.

[Аполлон. 1913. №3:32]

Автор словно пересказывает манифест, чтобы сделать его положения более внятными. И Брюсов, как нам кажется, посчитал необходимым сказать свое слово и по этому поводу. Мы не знаем, почему оно не попало в печать: Брюсов мог посчитать его неудачным и отказаться, а мог и решить, что в данный момент литературного противостояния публиковать его не стоит, а потом оно и вообще потеряло актуальность. Но в любом случае мы должны констатировать, что общая идея стихотворения В. Брюсова такова: да, яркий солнечный день, когда мы чувствуем себя Адамами, существует, но не следует забывать, что вслед за ним наступает ночь, когда в свои права вступает час молчания, час господства предвечного Хаоса. Это своего рода предупреждение адамистам, о которых говорит и следующее стихотворение С. Городецкого:

ЗВЕЗДЫ

Не хочу читать я вечных,

Непонятных мне писем,
Что на тьме и в лентах вечных
Держит звездный небосклон.
Смутной вести в этих блесках
Не найду душой простой,
Как в восточных арабесках
С их приятной пестротой.

Но в сумятицу узоров
Линий радостный закон
Я с моих спокойных взоров
Вознесу на небосклон.

Не зеленый цвет Сатурна,
Алый Марса вижу я –
Дружбу смерти с жизнью бурной
На путинах бытия.

[Аполлон 1913. №3:32-33]

Впрочем, это предупреждение С. Городецкий мог отвергнуть, поскольку уже в своем манифесте, словно провидя упреки Брюсова, он заявлял, например: «Катастрофа символизма совершилась в тишине – хотя при поднятом занавесе. Ослепительные “венки сонетов” засыпали сцену. Одна за другой кончали самоубийством мечты о мифе, о трагедии, о великом эпосе, о великой в простоте своей лирике. Из “слепительного да” обратно выявлялось “непримиримое нет”. Символ стал талисманом, и обладающих им нашлось несметное количество. Смысл этой катастрофы был многозначителен. Значила она ни больше ни меньше как то, что символизм не был выразителем духа России – тот, по крайней мере, символизм, который был методом наших символистов. Ни “Дионис” Вячеслава Иванова, ни “телеграфист” Андрея Белого, ни пресловутая “тройка” Блока не оказались имеющими общую с Россией меру» [Акмеизм в критике 2014:84-85]. «Тишина» здесь – аналог «всемирного молчанья», а «слепительное да» и «непримиримое нет» – это отсылки к строкам Вяч. Иванова, когда Пифия произносит:

Из Ха́оса родимого

Гляди – Звезда, Звезда!
Из *Нет* непримиримого –
Слепительное *Да!*...

[Иванов 1974:II:243]

(Тютчевские подтексты здесь очевидны – *Н.Б.*)

Возможно, здесь надо иметь в виду и стихотворение 1912 года из книги С. Городецкого, которую В. Брюсов знал и цитировал:

ПОЭТ

Тут на углу, в кафэ нескромном,
Чуть седоватый, чуть хмельной,
Цилиндр надвинув, в позе томной,
Всю ночь сидит поэт земной.

Друзей меняют проститутки,
Вино меняется в стекле.
Он смотрит, неизменно чуткий
Ко всем явлениям на земле.

Старуха-жизнь, играя в жмурки,
Показывает вновь и вновь
В вине сверкающем окурки
И в твари проданной любовь.

Он смотрит с доброю усмешкой
На простенькие чудеса,
А там Медведица, тележкой
Гремя, ползет на небеса.

[Городецкий 1913:91]

Земной поэт не отказывается от низкой повседневности не только потому, что в ней есть «простенькие чудеса», но еще и из-за звездного неба, тоже на первый взгляд простенького, но на самом деле осеменяющего эту повседневность с проститутками, вином и окурками.

Может быть, будет не лишним сказать в заключение о судьбе того стихотворения С. Городецкого, на которое, по нашему мнению, реагировал В. Брюсов. В первой публикации это

стихотворение об Адаме. Через год оно превратится в два: одно о себе, другое будет связано с Н. Гумилевым, то есть с теми двумя авторами, которые не побоятся соотнести себя, по крайней мере на какое-то время, с адамизмом. Эти два стихотворения, кажется, никогда не перепечатывались.

I

Прости, пленительная влага
И первоздания туман!
В прозрачном ветре больше блага
Для сотворенных к жизни стран.

Иссякла свято кровь рожденья,
И мудро стынет пыл утроб,
И в стройной плоти воплощенья
Достиг косматый зверь чашоб.

[Городецкий 1914:31]

XXVIII

Н. Гумилеву

Просторен мир и многозвучен
И многоцветней радуг он.
И вот Адаму он поручен,
Изобретателю имен.

Назвать, узнать, сорвать покровы
И праздных тайн и ветхой мглы –
Вот первый подвиг. Подвиг новый –
Всему живому петь хвалы.

[там же:114]

2. ЗАГАДКА ИЗ «РОКОВОГО РЯДА»

Венок сонетов В. Брюсова «Роковой ряд» не раз становился предметом внимания современных исследователей. При публикации в собрании сочинений комментатор А. Козловский сообщал: «Брюсов умышленно зашифровал в печати имена лиц, которым посвящены отдельные сонеты. Учитывая это, мы не считаем себя вправе раскрывать их подлинные имена»

[Козловский 1973:458]. Однако соблазн был слишком велик, чтобы не испробовать свои силы в раскрытии этого стихотворного «Дон-Жуанского списка» В. Брюсова.

Впервые, кажется, сделал это В. Молодяков: «1. Е.А. Маслова (Краскова). 2. Н.А. Дарузес. 3. М.П. Ширяева. 4. Е.В. Бурова. 5. И.М. Брюсова. 6. А.А. Шестеркина. 7. Л.Н. Вилькина. 8. Н.И. Петровская. 9. Адресат не установлен. 10. Е.И. Образцова. 11. В.Ф. Коммиссаржевская. 12. Н.Г. Львова. 13. Е.А. Сырейщикова. 14. Адресат не установлен. 15 (заключительный). Адресат отсутствует. 16 (кода). А.Е. Адалис» [Брюсов 1994:223-224]. В своей биографии В. Брюсова он назвал еще два имени: Л. Столица и М. Вульфарт [Молодяков 2010:78], добавив о второй: «Вне писем и мемуаров остались встречи с юной уроженкой Риги Марией Владимировной (Вульфовой) Вульфарт. Посвященный ей сонет “Рокового ряда” единственный не озаглавлен именем героини: “Пребудешь ты неназванной, безвестной”» [там же:464]. (О ней см. также: Приедитис А. Курземские друзья В. Брюсова // Даугава. 1986. №5. С.112-114; Соболев А. История Марии Вульфарт // Соболев А.Л. Летейская библиотека: биографические очерки. Страннолюбский перебарщивает. Сконапель истоар. М., 2013. С.70-77; Лавров А.В. «Санаторная встреча» (Мария Вульфарт в жизни и стихах Валерия Брюсова) // Радость ждет сокровенного слова: Сборник научных статей в честь профессора Латвийского университета Людмилы Васильевны Спроге. [Рига], [2013]. С.151-157. (Вошло также в его кн. «Символисты и другие: Статьи. Исследования. Публикации»).

А. Лавров описал отношения В. Брюсова с тремя из героинь венка сонетов [Лавров 2015].

Однако соотнесение стихотворных текстов с другими брюсовскими документами наводит на дальнейшие раздумья, которыми нам хотелось бы поделиться.

Четвертый сонет цикла звучит так:

ЮДИФЬ

Теперь, в тоске, я повторяю их,
Но губы тяготит еще признание.
Так! Я сменил стыдливые рыдания

На душный бред безвольностей ночных.

Познал я сладость беглого свиданья,
Поспешность ласк и равный пыл двоих,
Тот «тусклый огонь» во взорах роковых,
Что мучит наглым блеском ожиданья.

Ты мне явила женщину в себе,
Клейменую, как Пасифая в мифе,
И не забыть мне «пламенной Юдифи»!

Безлюбных больше нет в моей судьбе,
Спешу к любви от сумрачного чада,
Но боль былую память множить рада.

[Брюсов т. II: 304-305]

Напомним, что В. Молодяков считает героиней его Элю (Елену Владимировну) Бурову, с которой у В. Брюсова, согласно его позднейшим записям, был мимолетный роман в 1896-1897 гг. Однако на самом деле, если обратиться к брюсовскому дневнику, дело было не совсем так.

Кратко фиксируя события (наряду с развернутыми записями в брюсовском дневнике есть и такая форма) под 21 октября 1895 г. В. Брюсов записывает: «Маня. Е.В.», и несколько далее помечает: «Схожусь с Еленой Влад., нашей гувернанткой» [НИОР РГБ. Ф.386. Карт.1. Ед. хр.13/2. Л.20 об.] Это и есть та самая Эля Бурова, которая появляется в его записях, опубликованных В. Молодяковым, и которую он полагает Юдифью из сонета. Однако все последующие события вовсе не похожи на стихотворные описания: 6 ноября у них состоялось свидание (видимо, в номерах или в отдельном кабинете ресторана), «но “роковая” черта не была перейдена» [там же. Л.21 об.]. В середине ноября она отказалась (или ей отказали) от места; 17 ноября было последнее свидание, с тем же результатом, что и первое. Общее резюме, в различных вариантах повторенное несколько раз: «Ни капли любви к Ел. Вл. (Эля)». Более они не встречались.

Примерим еще одну кандидатуру. Осенью 1896 г. в семье Брюсовых появляется новая гувернантка – Евгения Ильинична

Павловская. Повторяется история Эли – через месяц ей отказывают от места, до апреля 1897 г. они с В. Брюсовым время от времени встречаются, потом она уезжает на Украину, где в 1898 г. умирает от чахотки³. В. Молодяков не угадал ее в «донжуанском списке». Он прочитал в разделе «Серьезное»: «1896. Евгения I (Истомина <?>)» [Брюсов 1994:222]. На самом деле в скобках написано: «Ильинишна». Но все равно обстоятельства не позволяют видеть в ней Юдифь – В. Брюсову она интересна как человек, понимающий поэзию, но не как женщина.

Зато сразу в двух разделах – «Случайные “связи”, приближения etc.» и «Mes amantes» находим кажущееся подходящим имя: Елена III (Коршунова).

Как В. Брюсов с нею познакомился, мы не знаем. 29 сентября 1896 г. в перечне событий он записывает: «С Леной всю ночь» [НИОР РГБ. Ф.386. Карт.1. Ед. хр.14/1. Л.28 об.], а вскоре после этого, 6 октября: «Кончено! кончено!

Черт возьми, я слишком позорно начинаю подражать Верлену: – только недавно проповедовал обновление, и теперь, теперь *parallelement* 29 и вчера я “наслаждался любовью” – о пошлое выражение! Смутно, горько, – в душе злорадия.

Леня – портниха. Этого нужно было ждать.

Леля – Таля – Маня – Леня.

Вот он, полный ряд! и какая насмешка, что оба его края – вершина, небо и позор, грязь носят оба имени Елены! – а другая насмешка: любя Лелю, я проповедовал разврат, проводя грязные ночи с Леной, я проповедую чистоту, На!» [там же. Запись сделана на следующий день, 7 октября].

Описывать весь этот роман, растянувшийся до мая 1897 года и плавно перетекший в ухаживание за будущей женой, которая стала Ладой следующего сонета «Рокового ряда», мы не станем, но кое-что отметим.

Надо признать, что далеко не все в «Юдифи» соответствует характеру отношений В. Брюсова с «Леной», как они описаны в

---

³ Этот роман выразительно и точно описан в комментариях С. Гиндина к «Письмам из рабочих тетрадей» [ЛН. Т.98. Кн.1. С.712-828].

дневнике, но главное здесь – неутолимость страсти, о чем говорится не раз. 26 ноября 1896: «Лена, покорная, томная, созданная для “восхитительных игр обессиленных страстей”» [там же. Ед. хр.14/2. Л.5 об].

18 декабря: «Я еще первый раз в жизни предаюсь так безумно наслаждениям Киприды. Меня интересуют мои ощущения – истома, ломота в костях, боль в позвоночнике. Любопытно, как себя чувствовал Антоний в день Перузийской битвы?» [там же. Л.7 об], и непосредственно за этим, но уже под другой датой – 20 декабря: «И опять вчера я был с Леной, и опять дышал атмосферой самой низменной любви. Лена любит меня только в *моменты* наслаждения, когда все неразвитые натуры любят своего или свою дружку. Лена видит во мне выгодного покровителя, но за мгновение до “последних содроганий” (выраж<ение> Пушкина) она стонет и счастлива.

– Ах, Валька! что мне с тобой сделать! укушу тебя!

Это высший способ ласки и ласкательства по ее понятиям» [там же. Ед. хр.14/2. Л 8].

Судя по набору всех обстоятельств, «Юдифь» обращена именно к памяти о Елене Коршуновой. Если мы не готовы этого признать, то, вероятно, следует считать, что сонет посвящен вымышленному роману (что на самом деле маловероятно) или какому-то мимолетному эпизоду со случайной встречной – скажем, во время поездки за границу в июне 1897 г.

В заключение приведем оставшийся в архиве В. Брюсова черновик письма к Елене – мы полагаем, что именно к этой самой Елене Коршуновой.

«Милая, хорошая Елена!

Пишу тебе, т. к. говорить с тобою [о том, о чем] я хочу – очень трудно. Ты, вероятно, давно уже замечала, как трудно мне быть с тобой искренним. Попробую сделать это в письме.

Я убежден, что тебе не могла не броситься в глаза недоговоренность, неопределенность наших отношений. Не раз уже ты начинала говорить со мною об этом, но каждый раз я отговаривался или своими занятиями, или нездоров<ьем>, хотя прекрасно знал, что верить этому невозможно. И я думаю, ты этому не веришь и понимаешь истинную причину неловкости и неискренности наших встреч: это зависит от того, что в моей

душе нет *любви*, которой ты, быть может, ждала когда-то. М<ожет> б<ыть>, я сам дал тебе повод ждать ее, но за это время ты могла убедиться, что это *не так*. Именно для того, чтобы не было никаких недоразумений, я должен, наконец, сказать тебе прямо, что если я так и думал, я ошибался. Любви в моей душе *нет* и не было, – это должно сказать прямо и откровенно. Не буду оправдываться, – может быть, я и виноват перед тобой, но если ты вспомнишь условия, при кот<орых> началась наша близость, ты согласишься, что [все делалось только пот<ому>] вина моя не так уже велика. [Ты знала все – и, мне кажется, упрекать (если есть за что) – ты можешь только себя]. Итак, повторяю еще раз: *я не люблю и не любил тебя*. И ты знаешь, что я люблю другую. И это прямое признание должно повести к тому, чтобы уничтожить ту фальшь наших отношений, кот<орая> установилась за последние месяцы. [Дать тебе то, чего нет в моей душе, – я] Не требуй от меня любви, которой я не могу дать. А лгать и притворяться, как это было последнее время, я больше не в силах, не могу. Да ты понимае<шь>, что требовать этого – невозможно. Пусть между нами установятся простые, хорошие отношения.

Что же сказать тебе еще? Повторить, что я надеюсь на [Но то, что лежит за пределами любви – <какое?>-то участие – заботливость – все это, [пока оста] сможет остаться в наших от<ношениях>].

И я глубоко надеюсь, что они сделаются лучше и искрен<нее>, чем были до сих пор.

Я глубоко надеюсь, что после этого письма в наших отношениях уничтожится фальшивость и установится та искренность, кот<орой> давно уже нет» [НИОР РГБ. Ф.386. Карт.70. Ед. хр.14].

3. ВЕРЕЯ

В 1901 году В. Брюсов написал «Песенку», озаглавив ее «Девичья». Сама по себе эта стилизация нам не очень интересна, помимо несколько загадочной последней строфы:

<...> Если с кем я целовалась, –
Он уехал в Верею.
Я тебе верна осталась,
Ты, которого люблю.

[Брюсов т. I:285]

Причем здесь Веря? Откуда она попала в стихотворение? Конечно, это могло быть чистой случайностью, для рифмы с легкой неточностью: Верю – люблю. Но, кажется, мы имеем все основания думать, что нет, не случайно. В том же самом году В. Брюсов пишет такое стихотворение:

ПОДРАЖАНИЕ ГЕЙНЕ

Мне снилось, я в городе дальнем,
Где ты истомилась одна.
Твой мальчик прохожего встретил,
Сказал мне, что мама больна.

К тебе я вошел, как безумный,
Шепнула ты мне: наконец!
И слышалось четко биенье
Двух слишком счастливых сердец.

Я сел на скамью у кровати,
И сердце мне сжала тоска:
Бледны исхудалые щеки,
Бледна и прозрачна рука.

Твой муж, и сестра, и сиделка –
Все вдруг отошли к стороне,
И я целовал твои руки,
И ты улыбалась мне.

И ты мне сказала: «Мой милый,
Мы точно голубки в грозе», –
К тебе я прижался, рыдая,
И плакали, плакали все.

В слезах я проснулся безумный,
Кругом темнота, тишина,
И город далек, где томишься
Ты в тяжком недуге одна.

1 июля 1901

[Брюсов т.І:313]

Лето 1901 г. для В. Брюсова было непростым. С одной стороны, он внешне спокойно проводил его на даче в Петровском-Разумовском, чуть не ежедневно отправляясь в Москву для занятий в «Русском архиве», где был тогда секретарем. С другой – его обуревали переживания. На даче с ним и с постоянно наезжавшими родственниками была его жена, находившаяся на последних месяцах беременности, а в удалении, также уехав на лето с мужем и двумя детьми (а потом еще и с матерью), жила его пассия того времени, А. Шестеркина⁴. В конце мая она уже писала В. Брюсову: «Дорогой мой мальчик! Как много, – бесконечно много дней прошло с тех пор, как мы расстались! Мне это время кажется вечностью, и какая-то тоска и безнадежность охватывают, сжимают в тисках мою душу...» [НИОР РГБ. Ф.386. Карт.1. Ед. хр.1. Л.1]. Они обменивались письмами «официальными», рассчитанными на возможность прочтения другими, и теми, которые А. Шестеркина называла «такими», то есть предельно интимными. Ее письма того времени В. Брюсов сохранил, его письма почти совсем неизвестны: то ли А. Шестеркина их не вернула, как «официальные», то ли из ревности уничтожила И. Брюсова, то ли случилось что-то еще – мы не знаем. Но и то, что сохранилось, позволяет представить себе картину происходившего. 24 июня, через месяц после страстного расставания, она сообщает В. Брюсову: «Со мной сегодня в ночь случилось несчастье, и теперь я лежу, истекая кровью. М. идет сейчас в поиски за доктором. Потеря крови – громадная, невероятная. Мальчик мой, сегодня ночью я упала с кровати – и от этого все и произошло... Я видела сон: Воля – на краю пропасти, – вот-вот упадет. Я вскрикнула, протянула к нему руки... и очнулась – на полу...» [Там же. Ед. хр.27. Л.26. М. – художник М.И. Шестеркин, муж А.А., Воля – сын. Цитируемые в

---

⁴ В «Канве автобиографии» В. Брюсова (правда, под 1900 годом) записано: «2-ой пер<иод> романа с Аней (Анна Александр<овна> Шестеркина). Наша связь етс.», и затем, после пропуска: «Лето. Петр<овско>-Разум<овское>. Смерть моего ребенка. Разрыв с Аней» [НИОР РГБ. Ф.386. Карт.1. Ед. хр.1. Л.30].

дальнейшем письма опубликованы: К интерпретации брюсовской переписки / Вступ. ст., коммент. и примеч. Н.А. Богомолова // Брюсовские чтения 2010 года. Ереван, 2011. С. 381-382].

И 27 июня следует отчаянное письмо, которое имеет смысл процитировать в большом объеме:

«Получила твое письмо, мальчик мой. Почему-то мне кажется, что ты не понял моей записки, – иначе, – вопреки рассудку, разуму и всяким возможностям и невозможностям – ты был бы со мной. Чем мотивировалась моя уверенность в этом – не сумею тебе сказать, но мне казалось, что, прочтя письмо – ты тотчас же поедешь сюда. Было это безумием с моей стороны – думать так, после всего, о чем мы говорили на станции – о невозможности твоих приездов... Но – что поделать, – потеряв ребенка, я была в таком глубоком отчаянии, что ни о чем соображать не могла – я только страдала и жаждала утешения, – от тебя. И я ждала тебя...

Как будто все, – все – кончено, вся радость жизни – ушла, исчезла навсегда из моей жизни...

“Ну что же, Вы должны радоваться, что все так кончилось, сударыня, и Вы без особых страдания освободились от ребенка”, сказал доктор.

А я... Боже, ты себе представить не можешь, что я чувствовала, когда убедилась, что ребенок *был*, а теперь его нет... и не могу я выплакать своего горя на твоей груди...

И вот уже четвертые сутки лежу я в постели, бессильная, слабая, – бескровная... <...> Получив твое письмо – я плакала.

– Прости, я стала слишком нервная, прости мне, – и не считай, что я упрекаю тебя, требую невозможного... Когда человек находится в таком критическом положении, в каком была я, – быть может, на волосок от смерти (почем знать?), тогда для него – все возможно...

Сегодня мне гораздо хуже, чем прошлые дни. Боюсь осложнений. Снова появилось сильное кровотечение – опасный признак. Думаю, что ухудшение – на нервной почве, – уж очень я тоскую.

Прощай, мой желанный, пиши по-прежнему, – очень уж мне тяжело и я очень, очень больна... Быть может, уж мы не увидимся... прощай». [НИОР РГБ. Ф.386. Ед. хр.26. Л.34-35 об.].

Собственно говоря, на этом можно закончить цитирование писем, потому что все, являющееся основной топикой стихотворения, здесь уже есть. Сохранился черновик большого письма В. Брюсова, который мы опубликовали, где также есть эта же топка [Богомолов БЧ 2010:388-394]. Сохранилось его письмо от 1 июля, где на конверте А. Шестеркина приписала: «Стихи», что может относиться как к стихотворению, помеченному «Июль 1901», которое сохранилось среди писем в архиве и было нами опубликовано [там же:384-385], так и к «Подражанию Гейне».

А Верея в «Девичьей» теперь разгадывается просто: именно в Верее жили Шестеркины летом 1901 года⁵.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акмеизм в критике 1913-1917. СПб., 2014. О месте С. Городецкого в акмеизме см. недавнюю публикацию разных материалов: Енишерлов В. «Акмеистов было шесть...» // Наше наследие. 2016. №117.
2. Аполлон. 1913. №3.
3. Брюсов В.Я. Из моей жизни: Автобиографическая и мемуарная проза. М., 1994.
4. Брюсов В.Я. Собр. сочинений: В 7 т. М., 1973-1975. Т.1. М., 1973. Т.3. М., 1974.
5. Брюсов В.Я. Среди стихов. Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990.
6. Городецкий С.М. Ива: Пятая книга стихов. СПб., 1913
7. Городецкий С.М. Цветущий посох: Вереница восьмистиший. [СПб., 1914].
8. Иванов Вяч.И. Собр. сочинений: В 4 т. Т.II. Брюссель, 1974.
9. К интерпретации Брюсовской переписки. Вступит. статья, комм. и примеч. Богомолова Н.А. // Брюсовские чтения 2010 года. Ереван, 2011.

---

⁵ Летом 1903 г. Брюсовы жили на даче в Можайском уезде, и В. Брюсов побывал в Верее. Свидетельство этого – стихотворение «Я этот город Верею...» в альбоме А. Шестеркиной (частное собрание), а также запись в цитированной выше «Канве автобиографии»: «Посещение Ани в Верее» (НИОР РГБ. Ф.386. Карт.1. Ед. хр.1. Л.33).

10. Козловский А.А. Примечания // Брюсов В.Я. Собр. сочинений: В 7 т. Т. II. М., 1973.
11. Лавров А.В. Символисты и другие. Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015.
12. [ЛН] Литературное наследство. Т.85. М., 1976.
13. [ЛН] Литературное наследство. Т.98. Книга первая. М., 1991.
14. [ЛН] Литературное наследство. Т.98. Книга вторая. М., 1994.
15. Молодяков В.Э. Валерий Брюсов: Биография. СПб., 2010.
16. НИОР РГБ. Ф.386. Карт.1. Ед. хр.13/2. Л. 20 об.
17. Там же. Л.21 об.
18. Там же. Ед. хр. 14/1. Л.28 об.
19. Там же. Ед. хр. 14/2. Л.5 об.
20. Там же. Л.7 об.
21. Там же. Ед. хр.14/2. Л. 8.
22. НИОР РГБ. Ф.386. Карт.70. Ед. хр.14.
23. Там же. Карт.1. Ед. хр.1. Л.30.
24. Там же. Карт.108. Ед. хр.26. Л.1.
25. Там же. Ед. хр.27. Л.26.
26. Там же. Ед. хр.26. Л.34-35 об.
27. Там же. Карт.1. Ед. хр.1. Л.33.

**NIKOLAY BOGOMOLOV – FROM THE NOTES
CONCERNING VERSES BY V. BRUSOV**

The author of the paper analyzes a number of poems by V. Brusov, published antemortem and postmortem, and shares his reflection and conclusions. The matter concerns, in particular, «a reply to acmeists», «a mystery of “A Fatal Row”», and «Verea».